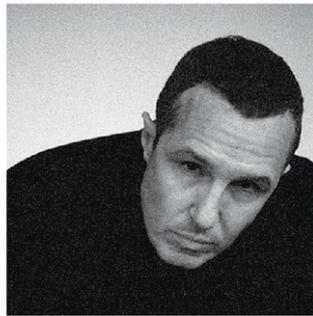
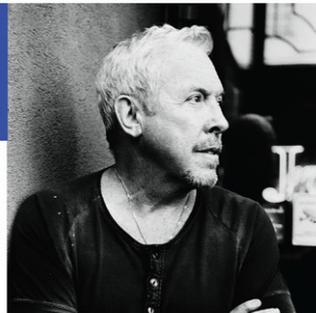

ПО
МОЕМУ
СКРОМНОМУ
МНЕНИЮ.
МУЖЧИНЫ

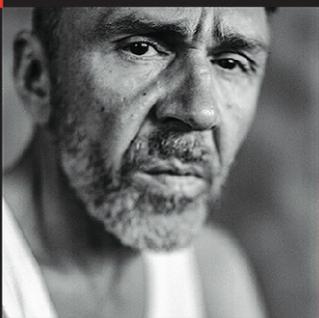

КАПИТАН
СОРВИГОЛОВА |
Игорь Верник

ДЖАЗ |
Андрей Макаревич

#ИМХОМ

ПЕТРУШКА |
Сергей Шнуров

ГЕОГРАФИЯ СУДЬБЫ |
Захар Прилепин

ПОВЕЛИТЕЛЬ ИГР |
Вадим Демчог

Правила жизни. От первого лица

**#ИМХОМ: по моему
скромному мнению. Мужчины**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 12
ББК 87.2

#ИМХОМ: по моему скромному мнению. Мужчины /
«Издательство АСТ», 2019 — (Правила жизни. От первого лица)

ISBN 978-5-17-112466-3

Перед вами альманах мыслей заметных мужчин современности, представителей разных поколений. #ИМХОМ (от англ. In my humble opinion. Man) – скромные мнения мужчин, в том числе Юрия Мамлеева, Виктора Мережко, Сергея Шнурова, Андрея Макаревича, Игоря Верника, Захара Прилепина, Артемия Троицкого, Ивана Вырыпаева, Вадима Демчого. Эта книга – антология воззрений, собранных в период 2009–2018 гг. В ее основе взгляды героев на природу добра и зла, размышления о душе и вере, о любви и предназначении, о Родине и культурной идентичности, о роли человека во Вселенной. Художественные портреты к сборнику выполнены художниками, которые опирались лишь на тексты, не зная, кому они принадлежат. Книга содержит нецензурную брань.

УДК 12
ББК 87.2

ISBN 978-5-17-112466-3

, 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

ИМХО. Вступление	6
ИМХО. Пролог	7
ИМХО. Белый офицер: «Моя родина – русский язык»	9
ИМХО. Диверсант: «Когда мы совершим все возможные ошибки, мы обретем истинное счастье»	11
ИМХО. Московский старожил: «Возможно, это неправда, но это мое мнение»	14
ИМХО. Единение: «Мы все – составляющие микроклеточки мощного непостижимого организма»	20
ИМХО. Джаз: «Хаос – одна из самых устойчивых систем»	23
ИМХО. Дзен Винни-Пух: «Сохранить душевную молодость – это большая удача»	27
ИМХО. Виртуоз: «Планка сознательно выше, чтобы человечество до нее доросло». «Свод нравственных законов написан не в книгах, а у людей на сердце»	36
ИМХО. Капитан Сорвиголова: «Я все время куда-то стремлюсь»	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

**#ИМХОМ: по моему
скромному мнению. Мужчины**
(сост. А. Е. Зайцева)

© Зайцева А. Е., текст, фотографии, иллюстрации

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

ИМХО. Вступление

История такова. Мы написали «сказочный квест» в поисках трансцендентальной идентичности. Журналистское исследование, основанное на вере в человека и в его особую роль. Картинка мироздания. Я не предлагаю рецептов счастья, мои конфиденты – тем более. Счастье – безответственная категория. И в этой категории ответов нет ни на какие вопросы. В поиске ответов мы пытаемся найти «путь домой» внутри себя, выложенный, как сказочная тропинка из желтого кирпича, «скромными мнениями» моих собеседников. Мужчины – они заметны, как ни крути, мужчины разных поколений. Мы пытаемся сложить пазл мировоззрений на природу добра и зла, размышлений о душе и вере, о любви, предназначении, о Родине, о волшебстве русского языка, о месте речи, о роли человека во Вселенной. Каждая история – набор постулатов, которыми герои жонглируют, как фокусники, доказывают их, как исследователи, проверяют на истинность. В своих размышлениях, как современные философы, они обретают самоидентичность из разных фрагментов понимания, приближаются к прочтению природы вещей.

История набора букв, которую мы наблюдаем, транспонировалась в визуальную историю. И эту историю можно не только прочесть, но и лицезреть. Удивительным образом художник способен прочесть человека по чертам лица, пластике, в нашем случае – исключительно по словам произнесенным. Не зная героя, не видя его лица, запечатлеваем повествование «о нем», его внутреннем мире в картинке бытия. Некоторые персонажи, разговарившись во время интервью, после прочтения текста отказались от своих мнений. Возможно, им это приснилось. Или нам это приснилось?

Увлекательное путешествие по лабиринтам мужской души – не факт, что авторитетное суждение о мироздании. Взгляните, счастлив ли говорящий... Возможно, кто-то из беседующих сообразит и скажет что-нибудь о вас.

ИМХО. Пролог

В наше время прочно вошло в привычку разделять природу, и человека в том числе, на составные части, рассуждать о взаимодействии физической осязаемой оболочки с нематериальным миром, о разных формах диалога человека со своей духовной составляющей.

Для любого художника, который не просто создает образы, но и анализирует увиденное, очевиден тот факт, что внешняя форма напрямую связана с содержанием. И более того, что внешний образ – это закономерное выражение внутренней сути, что он неотделим от нее, так как составляет с ней единое целое. Для тех, кто вдумчиво изображает реальность, стремясь понять принципы, по которым она создана, становится ясно, что единственный честный путь – воспринимать физическое и духовное не как отдельные миры, соприкасающиеся в каких-то точках, и не как части конструктора, но как нечто неразделимое, живущее одной жизнью по одному и тому же закону. Мое понимание красоты исходит не от внешних данных, а от стремления к закону гармонии, по которому все создано. Природа всегда красива в любом проявлении. Она демонстрирует человеку пример гармоничной жизни, возвращает часть изначальной красоты. Человек же, пользуясь свободой выбора, своими поступками часто нарушает природный закон гармонии, даже не задумываясь об этом, и последствия таких решений накладывают отпечаток на все его существо, проявляясь и внешне, и внутренне.

В устройстве человека для меня присутствуют три составляющие: генетическая, далее – то, что дано этому человеку как личности при рождении (вне зависимости от генетики), и последнее – то, что человек приобрел сам в течение своей жизни. Первые две составляющие, наверное, можно назвать богатством человека, а третью – тем, как он этим богатством распорядился. Все эти составляющие ярко проявляются в физическом облике человека, и для того, чтобы их считать, необходимо лишь видеть его вживую, с движениями и мимикой. Именно поэтому для меня рисунок человека всегда был интересен не возможностью на его основе создать свой образ, а погружением в другую личность через ее физические проявления. Процесс рисунка – самое мощное общение между людьми, которое я знаю, напряженный, почти звенящий безмолвный диалог, в процессе которого можно узнать своего собеседника лучше, чем за годы словесного обмена.

Тем интереснее, когда поставлена цель обратного порядка – не видя внешности, не имея возможности пообщаться с человеком или узнать – кто он таков, только по тексту, нарисовать его портрет. Вместо познавательного анализа и проникновения в сущность человека через его внешность рисунок превращается в символ отношения к миру той личности, которая преподносит себя в словах. Изображение становится частью психологической дуэли между людьми и художником. Увидеть суть через слова, понять через буквы отношение к миру и к самому себе гораздо сложнее, чем увидеть по внешности человека. Позирует ли он? Искренен ли? Говорит словами, идущими от сердца, или общими фразами, подобранными с земли по пути? Возможно, что человек уже настолько вжился в образ, который сам себе создал, что не видит разницы между собой и им. Возможно, он так зависим от мнения окружающих, что говорит чужими словами. Или, может быть, он замкнулся на собственной персоне и говорит на своем языке, не соотносясь с общечеловеческими понятиями. На мой взгляд, при такой задаче большее значение имеет чутье и понимание психологии человека, и значит, рисунок становится не изображением реальности, а символическим знаком, логотипом, отражающим, по мнению художника, основной характер изображаемой личности или отношения человека к окружающему миру.

Но каким бы ни был человек по своим проявлениям, в словах ли или в поступках, близок ли он нам по своим взглядам или далек, приятен или нет, есть то, что неизменно присутствует в каждом – изначально дарованная красота, интуитивное стремление к природной гар-

монии, часть Бога. И сознание того, что это живет во всех без исключения, приносит надежду и огромную радость.

Возможно, все, что происходит – фарс,
И это лишь войной опустошенный Марс,
А не Земля с прекрасными цветами.
Но верил я всегда и верить буду,
Что без конца, везде и отовсюду
Находим мы среди ветвей и под корнями
Тех искренних, что нам родня по духу,
По осязанию, по зрению и слуху,
А также по безумному обычью,
Уставам поперек и вопреки приличью,
Смотреть в глаза – и видеть красоту
Вместо обычного призыва лечь в постель,
И радоваться летнему зеленому листу,
Когда у всех за окнами метель.

Даниил Лапутин, художник, историк искусства, автор концепции визуального психо-анализа

* * *

В рамках арт-проекта #ИМНОМЕ в книге использованы картины современных художников из разных городов России, созданные на основе высказываний героев проекта. При том, художники не знали, кто автор истории, кто стал предметом художественного препарирования. На исполнение работы у них было 3 часа и текст интервью. www.imhome.info

Свои работы представили известные российские художники, а также выпускники ведущих художественных вузов России и Европы:

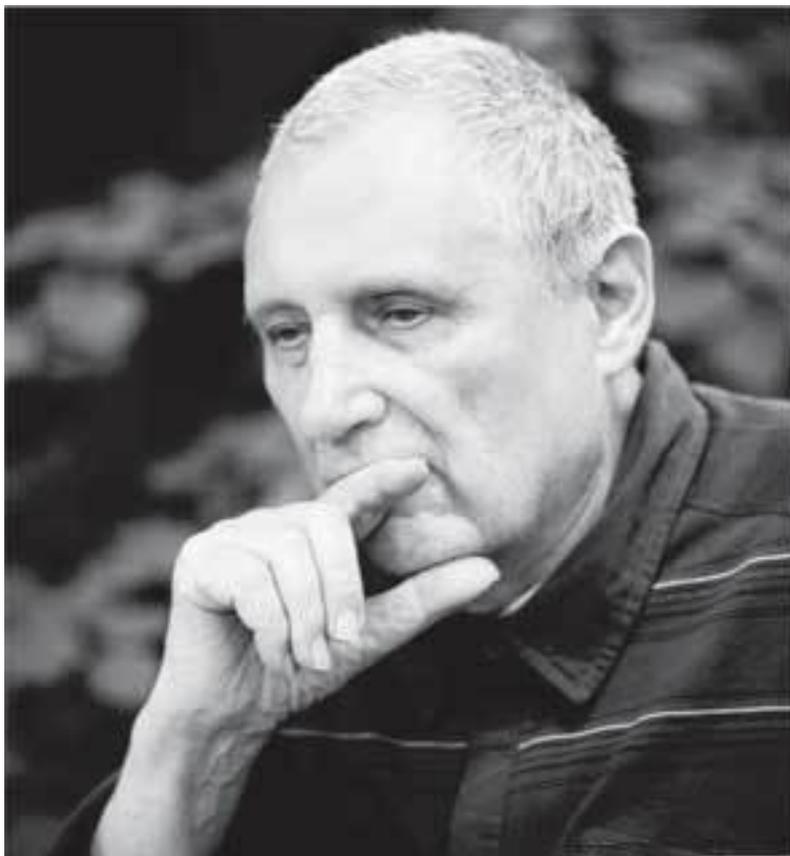
Московская художественно-промышленная академия имени С. Г. Строганова;

Московский архитектурный институт;

Московский государственный академический художественный институт имени В. И. Сурикова;

Лондонский Университет Искусств и другие.

ИМХО. Белый офицер: «Моя родина – русский язык»

** Об иллюзиях времени и о вечной душе. Как узнать соотечественника, и в чем сила русского языка. Это только начало.*

Счастье невозможно без любви. Окружение очень важно: счастье в гармонии с миром, друзьями, любимым человеком. Существует два вида счастья. Первый: уровень чистого бытия, когда счастье приходит просто потому, что ты есть. Можно быть счастливым, внешне ничего не достигнув. Такое счастье – это целое искусство. Второй: творчество, семья и родина. Я реализовался как писатель и философ. У меня любимая жена и я живу в России.

Ощущение родины – один из элементов счастья. В 30-е годы были белые офицеры; возвращаясь в Россию, они знали, что их ждет смерть или лагерь. И, тем не менее, они возвращались. Когда мы уехали в Америку, отсутствие родины было для нас чудовищным ударом. Там люди другой ментальности, а свой народ – это семья. В русской эмиграции мы фактически лишились родных и оказались на другой планете.

Соотечественника можно понять по молчанию. Через десять минут писатель может составить образ человека, с которым он говорит. Своего соотечественника вы знаете с пеленок. Сразу возникает образ – одна культура, аура, атмосфера – каждое движение говорит о внутреннем. Язык – это великое дело. Еще Бродский говорил: «Моя родина – русский язык». Язык необыкновенный, он идет из глубин веков, поэтому мы чувствуем его силу. За этим языком стоит какая-то определенная душа.

Самое главное заблуждение и крайняя степень высокомерия – думать, что смотришь на мир своими глазами. Человек смотрит на мир глазами Бога. Нужно реализовать то, что лежит глубоко в вас: вера в бессмертие души, в Бога и в любовь.

P.S. Как создан человек – для нас загадка. Когда визионеры фиксировали что-то в будущем, они непременно учитывали *свободу воли человека*. Никакого предопределения нет. Клише менялись, поэтому они часто ошибались. Есть предположение, что весь мир возник внезапно, в одну секунду. И все, что в нем есть, этот взрыв: прошлое, настоящее, будущее, мысли – все создано одновременно. По существу, у нас возникает эта иллюзия времени, только когда мы находимся внутри этой «капсулы творения». На самом деле, все уже есть. Нет ни прошлого, ни будущего, все одновременно существует в вечности. Каким-то немыслимым интеллектом внутри Абсолюта создана вся панорама Вселенной. Создано и мгновенно реализуется. Мир служит духовной пищей для Бога, а человек создан непосредственно от него. «Верхний этаж» – это Атман, это Дух, это Бог. Он скрыт от человека, но он есть в человеке. Проекция высшего «Я» создает человеческую душу. Высший интеллект познает реальность мгновенно и интуитивно. Смерть – это не конец, а только начало. Смысл человеческой жизни – реализовать Высшее Я, что означает обрести жизнь вечную. Затем душа уходит в новый цикл творения.

Юрий Мамлеев

ИМХО. Диверсант: «Когда мы совершим все возможные ошибки, мы обретем истинное счастье»

** Про Штирлица, и кем был диверсант в детстве. О смерти, войне и разных структурах, как туда занесло и к чему привело. О главной заповеди и стоит ли верить в судьбу. Честно, без излишней рисовки.*

Я учился в школе, когда появился Штирлиц. Юлиан Семенов писал его характер, как и Майора «Вихрь», с моего отца – великого разведчика Овидия Горчакова! Детям нравилась эта культура. У нас в школе была ролевая игра. Распределяя героев, как вы думаете, кто мне достался из деятелей Третьего Рейха? Гитлер! Это была моя самая лучшая ипостась: я мог орать, стучать и бить всех по башке. Мы все воспитаны совковым идиотизмом. Мы не можем без него долго жить, нужно подпитываться. И время от времени видеть Путина.

А вы знаете, что заповедей было не десять? А всего одна – «не» с глаголами пишется отдельно: не прелюбодействуй, не убей, не укради. Я следую заповедям в точности наоборот. Сейчас я, конечно, не убиваю, но когда-то разное случалось... Не укради – что это значит? Многие профессии основаны на воровстве. Любая заповедь содержит в себе прямой и противоположный смысл. Я бы не взялся диктовать людям какие-то заповеди. Как говорил Кузьма Прутков: «Не пей много, не пей мало, а пей средственно». Поступать надо средственно, в том

смысле, что с наибольшей пользой для себя, для дела и для того, кому ты служишь. Все остальное гибко. Можно всю жизнь не опаздывать на работу и не сделать никому ничего полезного.

Почему это нельзя быть всегда счастливым? Если ты идиот, ты перманентно счастлив: сидишь, слюни пускаешь, все время улыбаешься. У человека может быть большая совесть: ему за что-то стыдно, значит, он не здоров. А если ни за что не стыдно – здоровый. Счастливому все по фигу. Стыд рождается, когда человек запрограммирован на критерии постыдности. Он может мочиться в каждой подворотне и не испытывать стыда – вопрос в стереотипах и воспитании.

Мы не всегда выбираем верные пути. Главное, чтобы количество правильных ходов превышало количество неправильных для общего положительного результата. Надо жить дальше и продолжать совершать ошибки. И, может быть, когда мы совершим все возможные ошибки, мы обретем истинное счастье. Нельзя оценивать ситуацию по конечному результату. Бытовой пример. Увлёкся девушкой, из-за этого потерял семью, жену. С девушкой, в конечном счете, тоже расстался. Результат отрицательный, но, черт возьми, какая была девушка!

Я не верю в судьбу, что все где-то за нас прописано. Где тот кирпич, который должен упасть на голову? Он просто упадет, это совершенная случайность. Бог ничего не знает. Ни один Бог никогда бы не допустил существования такой страны, как эта.

Латентность, наверное, есть в каждом. Наука утверждает, что десять процентов мужчин от природы генетически предрасположены к гомосексуализму. Я помню в 80-е годы в Сан-Франциско, прошли по многим барам, в какой-то момент я смотрю кругом и говорю своему визави: «Все-таки поразительно, как хорошо в Америке одеваются мужчины, ты посмотри кругом». На что он мне ответил: «Чего ты хочешь, мы в баре для геев!» Про геев долго можно говорить. Такая безопасная, безобидная тема, и все в ней так хорошо разбираются, как в футболе.

У меня была клиническая смерть. Мне кажется, я видел нечто из «Соляриса». В совершенно непонятном океане, я видел маленький островок в тумане, неожиданно освещенный ярким светом, и много зелени. Я не приближался слишком близко. Возможно, это было навеяно подсознанием. Я вручил медсестричке часы, когда все это происходило, со словами: «Если что, оставь себе». А когда очнулся в палате, часы были на мне, а в руке телефон молодой медсестры. Я понял, что я жив. В молодости подсознательно не веришь в смерть. Чем ты здоровее, тем меньше ты в нее веришь. Она кажется настолько нереальной! Только в старости ты понимаешь, что тебя отделяют от нее какие-то нелепые мелочи, типа давления, тромба или какого-нибудь сосуда. Вот тогда ты все время думаешь о ней, боишься. Но надо понимать, что смерть – естественная штука.

Воевать – это тоже абсолютно естественная вещь. Сразу после школы я отправился в Военный институт иностранных языков. Из структуры уйти не так просто, «меня ушли» очень громко и потом вернули обратно. Какие-то эпизоды я могу рассказать, но всегда интереснее, когда мы говорим загадочно. Я ушел в действующую армию, потом вернулся. У меня даже сохранился порядковый номер: Василий Горчаков 3.73 или 74.3 – это запад, В – это восток. Я член этого клуба.

Время от времени вручают медальку за разные юбилеи. У меня даже есть мундир в шкафу, на который я их вешаю. Хотел еще звание себе присваивать, но вовремя остановился. Любое состояние: в море, в экспедиции, на войне – требует одномоментного изменения пси-

хики. Нельзя воевать или плыть на яхте по морю с тем же состоянием психики, с которым ходишь за хлебом. Должен быть громадный пофигизм. Пренебрежение того, что происходит вокруг. Как компьютерные игры: мы бежим, ползем, и скорее бы пожрать дали. Любая агрессия должна вызывать у тебя стократную агрессию – только тогда ты становишься бойцом. Все примерно одинаковы, но ты должен быть круче всех. Это воспитывается, культивируется. Будешь улыбаться – тебя сразу по уху. В армии надо было выживать. Дожить, чтобы тебя не побили, не забыть, что этого надо побить, следить, чтобы у тебя не украли шинель. Жизнь была наполнена событиями.

У меня всегда был принцип – никогда не надо переживать! Что бы ни случилось: тебя уволили или ты сам ушел – отлично. Ложись на диван – лежи день, полтора, дольше не придется. Кто-нибудь позвонит и предложит что-нибудь намного интереснее. А потом смена деятельности, она мотивирует, дает заряд. Есть, конечно, ситуации, когда надо подсуетиться, если ты хочешь чего-то добиться, проявить активность, действовать. Но опять же, для чего все это, чтобы войти в историю? Меня устраивает мой масштаб. Возможно, надо суетиться, чтобы быть Гитлером или Сталиным. Это сколько же народу загубить надо. Нет, уж лучше я на диване полежу.

P.S. Я с детства скакал на лошадях и много снимался. Когда-то на отдыхе в Крыму по причине малолетства меня не пустили на фильм «Великолепная семерка». Я обиделся и решил отомстить. Когда подрос – снялся в десятке фильмов и все с лошадьми. Рената Литвинова однажды сказала: «Васечка, что бы я не снимала, большой фильм или пятиминутную короткометражку, вы всегда будете у меня сниматься». С тех пор я снимаюсь у нее и в рекламе часов Rado и в 10-минутном фильме о любви. А сейчас – в полнометражном фильме по ее пьесе «Северный ветер»!

Василий Горчаков

ИМХО. Московский старожил: «Возможно, это неправда, но это мое мнение»

Поэту принято больше рыдать, чем радоваться. Что это за поэт, у которого все хорошо? Поэту проще быть несчастным, непонятым, непризнанным. Есенин, Некрасов, Лермонтов – поэт должен нести в себе какую-то беду. А если начать играть определенный образ, то очень скоро он прилипает. Маяковский и Блок ничего не боялись, писали не для вечности, а для сиюминутного дня. Писали о текущей, стремительно проходящей жизни, и выхватывали какие-то минуты, сохраняя их в вечности. Это мог быть абсолютный, но гениальный со всех сторон, бред. Уловление нерва времени, когда все вставали и обличали. Поэт божественным глаголом жег сердца людей и именно поэтому оказывался в вечности, в отличие от тех, кто смеялся над ним. Гениальный в этом плане Владимир Высоцкий.

В сваи, парапеты бьет Москва-река.
Не живут поэты больше сорока.
Слышишь или кажется, шелестит листва.
Ты на свете зажился, тебе сорок два.

(Это я написал в 1980 году).

Нытье, жалобы и плачи – главные составляющие и моей поэзии.

Книга больше не приносит ни радости, ни опасности. В России так сложилось, что поэт и власть тесно переплетаются: поэт при власти либо против власти. Обычно поэты славили подвиги царей и князей за пиршествами, за что им кидали объедки со стола. Достаточно вспомнить придворного интригана Симеона Полоцкого. Поэт интересен сам себе только тогда, когда он интересен власти. Катастрофа русской поэзии, на мой взгляд, произошла от того, что мы власти стали неинтересны. Сейчас стихов особенно никто и не читает. Это и привело поэзию к тому печальному состоянию, в котором она находится.

Поэты перестали быть товаром. Писать лучше надо, да и время что-то меняет. С появлением соцсетей каждый сам себе журналист и писатель. Сейчас поэт – это не лорд Байрон и не Александр Блок. А ободранные, ходящие с одного вечера на другой, бедняги. Раньше я, как кажется, уловил дух времени, а сейчас я ничего не понимаю. Пишу тексты больше по инерции, и они проваливаются в какую-то темноту со 150 лайками.

Поэтами рождаются. Вырабатывать это бессмысленно, это же как проказа. Я родился на Комсомольском проспекте в доме номер 50 и с детства мечтал быть писателем. Поскольку мама работала в Кремле, все издающиеся в Советском союзе книжки мне были доступны. Я вырос на фантастике: Братья Стругацкие, Рэй Брэдбери, Станислав Лем – мне реально сносили крышу. Тогда и делать было особо нечего: три с половиной программы по телевизору, фильмы про заводы и колхозы. Больше было общения во дворах. Мы гуляли без родителей с пяти лет, потом группировались по школам. У нашей 34-ой школы была четкая война с 47-ой и 51-ой – одну били мы, а другая била нас. Иногда попадали в милицию, так и проходили наши дни. В Москве начинали пить с 12 лет, причем регулярно. Время было простое, и человек все про себя знал. Вот его отец, после войны, в шарфе и с финкой, как в фильме «Место встречи изменить нельзя», он был король двора. А сейчас ему 45 лет, и кто это теперь? Слесарь второго разряда, горький пьяница, замученный некрасивой женой, от которой он в бачок унитаза прячет бутылку, чтобы в любую свободную минуту до нее дотянуться. Они понимали, что все, это их судьба. И возможно, ракеты бороздят космос, но это судьба единиц, а не большинства. Поэтому народ сильно бузил. В 90-е возросла преступность, но пропали дворовые компании. Раньше ты точно знал – идешь в чужой двор, там всегда будет кто-то сидеть на качелях, в песочнице, на лавочке. В 80-е годы открылись качалки и клубы, где стали учиться пробивать кулаками стенки. Ребята оттуда портвейн уже не пили, они пополнили ряды настоящих банд, которые возникли впоследствии. Нынешнее поколение молодежи менее агрессивное, чем подростки 70-х.

Любое действие, которое делать не хочется – закаляет характер. В Армии Я не служил. Не косил. Тогда косили самые продвинутые, которые имели джинсы, последний диск «Цепелинов» и курили анашу. Я окончил технический ВУЗ с военной кафедрой. За это тогда выдавали военный билет лейтенанта запаса и на этом все кончалось. Тем более, что геодезист-чисто военная специальность и использовать таких специалистов в пехоте как минимум глупо. Что не служил – не жалею. Там тогда, говорят, москвичей обижали. Нас нигде не любили. Ведь со всей страны пишу (в прямом смысле слова) свозили в столицу, а на местах велели вертеться как смогут. Да и портянки завязывать я и по специальности научился, чем мытье туалетов может как-то улучшить человека, не понимаю. Сейчас об армии я слышу больше хорошего. Не знаю, похож ли я на бравого солдата Швейка, героя романа Ярослава Гашека, но если бы мне и хотелось быть на кого-то похожим, то на него.

Возможно, это неправда, но это мое мнение. В 2012 году 200–250 тысяч людей выперлись на Болотную площадь. Все были очень тихие и спокойные, а в Кремле началась

некоторая паника: как бы судьба Муаммара Каддафи не настигла руководителя русского народа. И стали искать наощупь, как бы эту команду расколоть. И сделали все очень грамотно: первой началась кампания, что русских детей истязают в Америке и отдавать их равнозначно смерти. Американские алкоголики получают на них пособие, а сами на них даже не смотрят. Первый закон об усыновлении детей иностранцами был не очень грамотным. Прогрессивная общественность сразу вышла на демонстрацию, но уже в гораздо меньшем количестве. Следующим приняли закон о пропаганде гомосексуализма среди несовершеннолетних, запрещающий гей-парады. И тогда люди задумались, неужели мы должны поддерживать пропаганду гомосексуализма среди несовершеннолетних? Так была отколота еще часть от этой толпы.

История с группой Pussy Riot – это вообще была провокация. Вот представьте, Храм Христа спасителя, где бывают президент и мэр, а патриарх находится постоянно. И вдруг оказывается, что любой может туда войти с мощной аппаратурой, установить ее и подключить. Охрана в это время что делает, спит? Я сам часто дремал, когда работал сторожем в храме, но не могу представить, чтобы случилось такое, чтобы при мне кто-то умудрился развернуть звукозаписывающую аппаратуру на солее, подключиться к сети, организовать видеосъемку... Я бы точно не допустил. Один. А тут – в главном храме страны, который находится под спецохраной ФСБ. Очень подозрительно. А так... Лучше всего это подходит под статью мелкое хулиганство, и суток пятнадцать они вполне заслужили. Им вкатили по два года. Но главное – остатки прогрессивной общественности опять раскололись. Одни считали это смелой художественной акцией, другие кощунственной пляской развеселых самопиарщиц у алтаря. В результате от двухсот тысяч на Болотной осталось 15 тысяч на Москву. И те по разным местам.

Дело не в войнах и не в победах. Но почему-то любят правителей, которые положили огромное количество людей и присоединили никому не нужную Турляндию, которую все равно пришлось отдать. При Иване III из первой династии Рюриковичей, чей внук Иван Грозный, построили в Кремле Успенский собор, Архангельский собор, Благовещенский собор, да и сам Кремль. При нем Россия одной из первых стран Европы перешла на трехполье, что принесло громадный урожай. Покончили с голодом и начали экспорт зерна. Швеция технологически перешла на трехполье только через сто лет. Однако никто его не вспоминает, кино про него не снимают, памятников не ставят. Казнил видимо мало.

В Средневековье Наполеон разрушил феодальную Европу, реально изменив ее навсегда. Он предусмотрел все возможные конфликты, случаи и создал кодекс, который составляет основу законов Франции. У нас конституцию меняют как перчатки, а что толку?

Воспитать человека нельзя. Кто меня только ни воспитывал, начиная от матери с отцом и заканчивая комсомольской организацией. И что толку? Как писал Довлатов: «Вот меня, например, Колей назвали. А кто я вырос? Алкаш. Лучше бы сразу алкашом и назвали». Советская власть 70–80-х реально хотела сделать людей лучше через тот же кинематограф или литературу. И лозунг был такой – мы победим весь мир безусловно, потому что мы лучшие. Из-за этого запрещались многие ужасно интересные книги, например, «Москва-Петушки» Ерофеева. Хармс, Набоков... Вообще огромный массив литературы, кино, живописи был запрещен. Дабы не испортить человека, но стоило отпустить силовые вожжи, и начались веселые девяностые. А кто там был действующими лицами? Все эти бандиты, аферисты, олигархи? Люди, которых 70 лет воспитывали исключительно на положительных примерах. Сейчас иначе. В этом плане я согласен с Дмитрием Быковым, что нынешняя власть всячески старается сделать людей хуже.

Плохой литературой можно испортить человека. В этом смысле ситуация парадоксальная. Образно говоря, во Франции маркиза де Сада печатают 200 лет, и его никто кроме

специалистов не читает. А у нас, после десятилетий чтения книжек типа «Журбины» вдруг напечатали Сада. Так его не только миллионы прочли (как минимум начали, т. к. читать его – это как мешки ворочать), но многие восприняли всерьез как руководство к действию.

Человек – сложная ситуация: кормишь добром – его на зло тянет. Красота – один из атрибутов Бога, но человеку ее видеть не дано, если он не в ангельском теле. А со злом это организовать можно, и в этом его сила. Это и составляет часть нашей жизни и страданий. Беда в том, что зло кажется красивее добра.

История Бога – это фифти/фифти. Я не в курсе, есть Бог или нет. Много над этим думал, не удивлюсь, если он есть. Не удивлюсь, если кроме тьмы и неподвижности там ничего нет. Я агностик. В творении необязательно должен быть смысл. Очень логичной кажется концепция кальвинистов.

Веру человеку дает Бог. А не человек сам себе. Согласно словам знаменитого французского теолога и проповедника Жана Кальвина, только Бог знает, кому ее дать, а кому нет. Ты можешь заставить себя делать очень многое: пробегать каждый день по двадцать пять километров, заниматься йогой, молиться, но заставить себя верить – это лицемерие. Веру заслужить или одной волей принудить себя верить – невозможно. Задолго до рождения, по великой божественной мудрости, люди предназначены к вечному блаженству, их меньшинство, или к вечным страданиям – подавляющее большинство. Причем, необязательно ждать отправления в ад или рай. Хорошему человеку и при жизни будет хорошо, он будет богатым и здоровым, у него будет вера в себя. Апостол Павел говорил: «А чем мы спасаемся, братья, за что получаем жизнь вечную, за что окажемся в раю? Верой мы спасаемся, братья». На что Лютер и Кальвин продолжают: «Только верой. А веру дает Бог». И в результате, круг замыкается. Для кого-то рай начинается на земле, совершенно не надо ждать смерти и суда. Или хотите вашей человеческой логикой Бога мерить? Не обнаглели ли вы? С Богом должна быть встреча. У меня ее пока не было. Православие древнее и сложнее. Оно принципиально не логично. Но и оно предусматривает личную встречу с Богом. Видимо я ее не заслужил.

Вера в Бога и вера в себя – это разные вещи. Пока я работал в церкви, разного наслушался. Религия основана на нескольких книгах, прежде всего, на Библии и Евангелии. Согласно православной концепции, верить в себя – прямой путь в ад. Бог велел верить в него и нигде не учил верить человека в себя. Мы его создания по его образу и подобию – в этом есть смирение. Я достаточно смирен, куда больше. Смирение – это понимать, что все хорошее во мне есть от Бога. А что плохое – от меня.

У нас не было идеи гуманизма, что человек всем хорош. Человек был грешен по своей природе и носил в себе первородный грех. Собственными силами или йогой он справиться не мог, а только обратившись к Богу. Я люблю йогу как физические упражнения, но это не совсем мой мир.

Люди «понюхали» атеизм: ничего хорошего, ни радости, ни счастья, в нем нет. Давайте попробуем теперь Богу помолимся. Вообще о Боге надо говорить не со стихослагателями, а со священниками. Я тут за 5 минут столько еретической чуши нанес.

Душа у человека одна, как и тело. В реинкарнацию я точно не верю. Душа всегда есть и сознает себя. В «Апокалипсисе или откровении святого Иоанна Богослова» сказано, что когда пройдет страшный суд и со всеми разберутся, каждый получит новое бессмертное

тело, с очищенной от грехов душой. И тело будет все равно его. Когда Христос воскрес, он же не в чужом, а своем же теле и пришел. Ученики его узнали, правда не с первого раза, что любопытно.

Тема добра и зла – популярная для средневекового диспута. Добро есть добро, поскольку угодно Богу. Или добро угодно Богу, потому что оно добро? И в христианстве ответ не имел особого смысла. Вопрос был в том, кто больше приведет цитат святых Отцов. У мусульман все проще – добро то, что угодно Богу. В этом плане они «выгодно» отличаются от христиан. Ислам тоже крайне логичен. Что сказал Мухаммад – то и делай. А православие, как я уже говорил, за логичностью не гоняется. «Ибо абсурдно», – Тертуллиан. У нас Великие отцы и учителя церкви написали за две тысячи лет миллионы томов о том, что делать надо не то, чему учил Христос, а прямо противоположное. Впрочем, еще раз. Об армии надо говорить с теми, кто там служил, а о вере со священниками.

Я держусь своей идентичности, кроме нее у меня ничего нет. Если ее отберут, наверно, я растворюсь и с кем-то сольюсь, но это уже буду не я. Если я не сохранил память, зачем мне это. Христиане же говорят, что зря ты полагаешь, что ты – это твое сознание.

Важно одинаково понимать с человеком окружающую тебя действительность. За ум можно все простить. Ценю умение сдерживать себя, понимая, что недостатки есть части человека. А также: мужество, смелость, мастерство, когда человек хорошо делает свое дело. Сам люблю «рукава жевать», но не люблю тех, кто рвет на себе тельняшки.

Чем дальше, тем меньше хочется что-то в жизни менять. Москва слишком большая, а Питер слишком пышный. Мой любимый город, пожалуй, Кострома: Ипатьевский мужской монастырь, памятник Сусанину, река Волга. Там живет великий поэт Иван Волков. У меня был один хороший период в жизни с 1980 по 1984 год, когда я работал геодезистом. Я мог проявить качества, о которых сейчас могу только мечтать, но проявить их уже негде. Вот ты едешь из Москвы на несколько месяцев в Сургут или Нижневартовск, начинается работа. Ты имеешь некоторый план будущего сооружения, который воздвигнут в тайге. Надо пробурить скважину, но не ту, из которых нефть и газ, а техническую, подразумевающую, какой фундамент делать под конкретный дом. Такая задача – и ты встаешь на лыжи, берешь топор, направляешься в тайгу. Определил точку, забил колышек – к этому колышку должна подъехать буровая установка. Дают мне две машины: буровую установку и бульдозер, да такой, какой можно увидеть только на севере! Четыре метра высотой, чтобы валить тайгу как простую траву. И вот я впереди на лыжах, позади бульдозер валит деревья, и так двадцать семь скважин на одном объекте надо провести. Тебя так подбрасывает на трассе, что начинаешь себя уважать. Снаряды над головой у меня не рвались, но двадцатипятиметровые сосны над головой падали. А сейчас есть GPS – нажал на кнопочку, координаты скважины задал, тебе показывают: двадцать метров направо. Моя родная профессия геодезиста умерла с появлением технологий, ни к чему она стала.

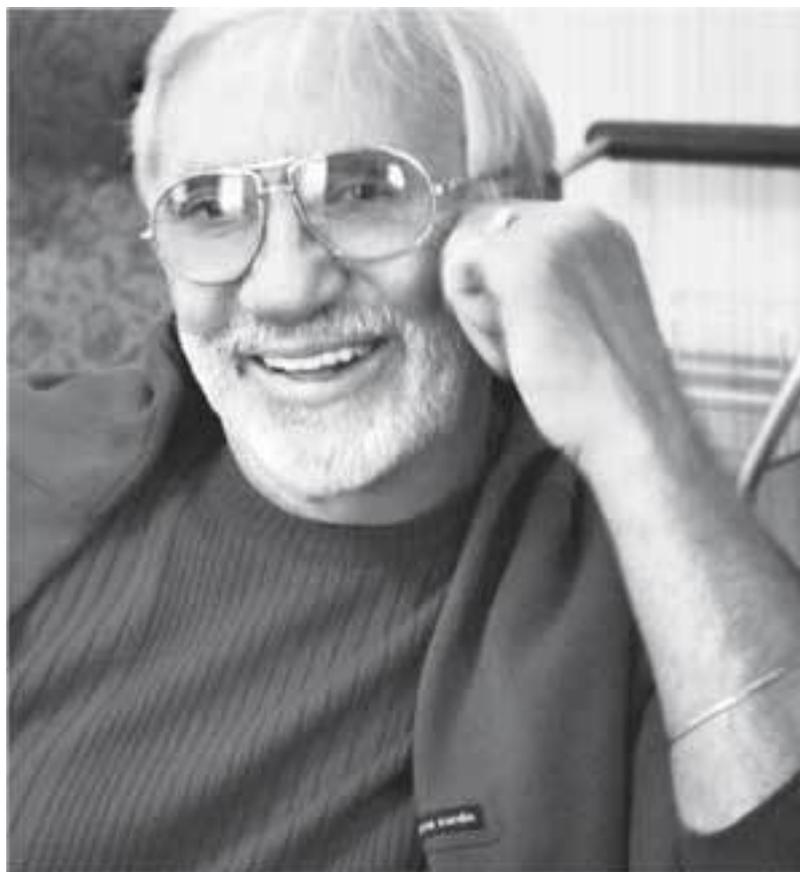
На одиноком полустанке стоит буфет.
К нему весь томный после пьянки идет поэт.
За то, что жил он не по лживым
И стер случайные черты,
Его по просьбе пассажиров
Ссадили с поезда менты.

Главное, не обижать людей, насколько это возможно. Им и так плохо. И не грузить лишний раз. Вот, пожалуй, и все.

P.S. Однажды наше поколение сойдет со сцены. «Сынок, не принимай все слишком серьезно», – такой совет я бы дал своему сыну.

Всеволод Емелин

ИМХО. Единение: «Мы все – составляющие микроклеточки мощного непостижимого организма»

В Советское время воспитывались таланты. Мне нравился уровень государственности и культуры в Советском союзе. Был Григорий Чухрай, Сергей Бондарчук, Элем Климов – были имена, личности. Взять, например, Башмета – он виртуозный исполнитель. Я их отношу к тем «монстрам», которые возникли благодаря жесткой советской системе. Система занималась селекцией и воспитанием новой генерации человека. Это был громадный отрезок земли, на котором пытались создать человека с новой идеологией: работать хорошо – прогуливать плохо, любить Родину хорошо – не любить плохо. Можно говорить о партии хорошо и ни слова дурно. В этой системе появлялись гениальные творения художников, поэтов и музыкантов: Шостакович и Прокофьев, Маяковский и Есенин. Футуристы в 20-е годы «проросли» за пять лет, а где сейчас новые герои? Где наша песенная культура? Ребята, все наши лучшие песни были написаны в советское время. Не зря было две супердержавы – СССР и США. И промышленность была, и культура, и своя духовность. Кстати, абсолютно по советской схеме строится американское кино. Просто американцы умнее поступили – они взяли советскую схему и наложили на количество джинсов.

В 60-е годы наши баскетболистки приехали играть во Францию. Там была общая развалка, спортсменки отказались раздеваться, так как на них были жуткие зелено-синие байковые трусы. Несмотря на бытовуху, был стимул, советский патриотизм и желание работать и побеждать.

Мы все – составляющие микроклеточки мощного непостижимого организма. Если ты выбиваешься из общей гармонии – заболеваешь. Начинаешь вибрировать в резонанс

– попроси о помощи, чтобы высшие силы тебя успокоили. Это моя схема. Бывает вдохновение приходит свыше. Роман в 600 страниц про Соньку я написал за два месяца. Сюжет варился, пока я снимал другую картину. Потом сел за компьютер, прочитал немножко про 1905 год, чтобы уловить стиль персонажей. Позже, перечитывая сценарий, я понимал, что посади меня сейчас – я бы ничего не написал.

Когда снимал сцену в тюрьме, как героиня Сонька сидела в Крестах, я узнал, что каждое утро и вечер заключенные пели молитвы. Утреннюю – «Царю небесному утеши души истины», и вечернюю – «Отче наш». Когда включили музыку и хор запел под фонограмму, в этих страшных стенах тюрьмы проявилась какая-то духовность, благодать. Это все вековые традиции.

По утрам и вечером перед сном я читаю молитву. Напротив моего дома – храм русского святого Иоанна Кронштадтского. Когда я впервые сюда приехал, то понял, что сам Господь Бог меня привел к этому святому месту. Я живу светской жизнью, поэтому не всему способен следовать, но некоторые заповеди реализую точно. Раз в две недели хожу в храм, чтобы поставить свечку. К вере я отношусь серьезно и знаю, что есть высшие силы и духовники. Слово материально. Если истово просишь о помощи – она приходит. Истово веришь во что-то – оно непременно сбудется.

Мужчина ищет в женщине музу. Если я не испытываю симпатию к женщине, то я буду ходить таким стручком, страшно неинтересным, паукообразным субъектом. Провести вечер с красивой девушкой – это замечательно. Но если она каждый вечер будет сидеть рядом, спрашивать или требовать что-то, то лучше не надо. Все должно быть красиво: прилетела, расцеловались, обняла и убежала. Должна быть игра, а не быт. Женщина должна защищать себя от утреннего мужского взгляда. До революции в обеспеченных семьях у мужа была одна спальня, у жены – другая. Ночью они занимались любовью, а потом расходились. Утром привели себя в порядок, встретились красивые за завтраком. Мужчине нельзя показывать неухоженность, он привыкает к красоте.

Мы все животные до поры до времени. Я изменял, в чем раскаиваюсь – это случилось от характера, веселого нрава, от того, что я нравился женщинам. Мужчина – это полигамное создание, это бык. У него 50 коров, которых он должен оплодотворить. Как бы ты себя не убеждал, все равно пойдешь за красивой женщиной. Женщина стала более мужеподобна в плане любви и тоже начала выбирать: этот состоятельный, а этот более привлекательный.

Уважай свободу находящегося рядом с тобой. Когда стараешься понять человека, то не будешь приказывать и выламывать руки. Никто не хочет себя ломать, если нравится мужчина – подчинись. Притирка имеет колоссальное значение и несет невероятные проблемы. Я не эгоистичный, я авторитарный. Отношения начинают меня тяготить, как только я чувствую, что кто-то атакует мою независимость, начинаются капризы и упреки. Мне больше по душе другой вариант: она живет своей жизнью, я – своей, и у нас есть замечательная третья совместная жизнь. И я не буду следить, где и с кем ты пьешь вино, а ты не следи за мной. Гарантия хорошей семьи – быть рядом, сосуществовать и доверять друг другу.

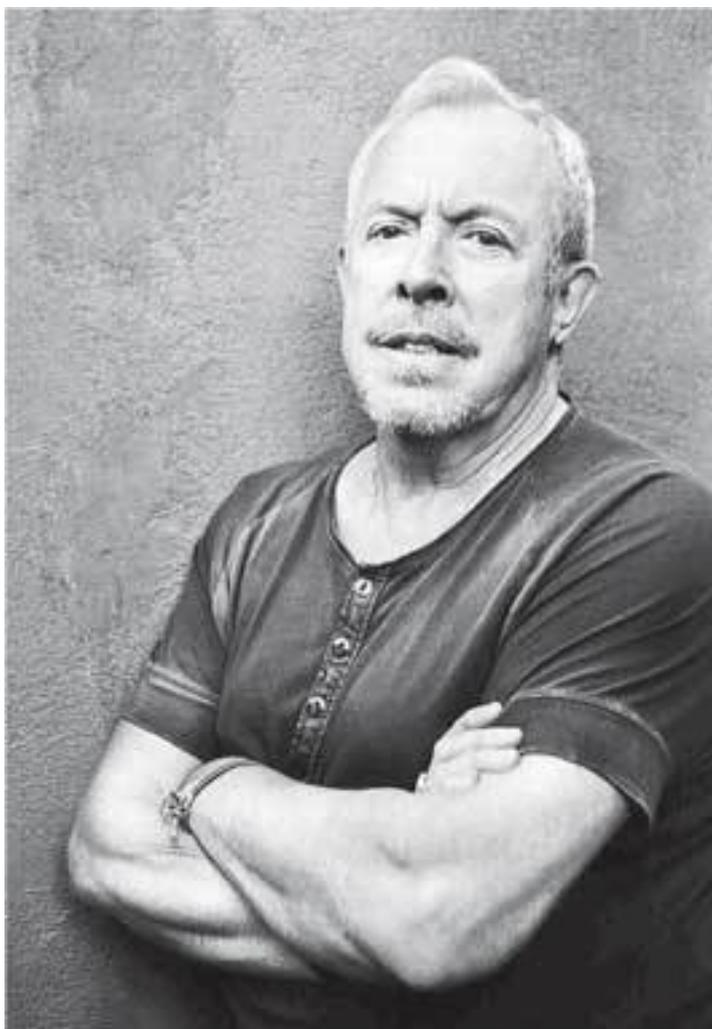
Мужчина – это голова, а женщина – сердце, космос. Мудрая женщина должна не замечать глупости мужчины. Он примитивнее и проще. Любого мужчину можно просчитать. А управлять элементарно, если есть атмосфера покоя, любви и ласки. Женщина – строитель, мужчина – разрушитель. Женщина должна понять, что она безусловный лидер в семье, но скрытый. Хотя если женщина влюбляется, она слепа.

Женщина должна быть минимум на десять лет моложе мужчины. Молодым девочкам сейчас проблема выйти замуж. Альфонс, гей, наркоман, алкаш – найти мужчину тридцати лет и старше без жизненной истории сложно, но такие есть. Правда, они либо деловые, либо испорченные независимостью и свободой.

Дружба между мужчиной и женщиной возможна, если женщина некрасивая. Или если был роман, который закончился. Но женщине будет сложнее, она сохраняет чувство собственности к мужчине даже после расставания. Если женщина одаренная, то можно дружить по профессии.

Виктор Мережко

ИМХО. Джаз: «Хаос – одна из самых устойчивых систем»

Всю жизнь у меня была возможность заниматься тем, чем я хотел. И что еще важнее – имел возможность не заниматься тем, чем не хотел. Большею частью я достигал того, что хотел достичь. И видел, что результаты моего труда интересуют не одного меня. Больше ничего не нужно.

Я ставлю себе задачи из области музыки, живописи, литературы, которые мне интересны. Потом я их решаю. Это работа со всеми ее последствиями. Иногда ты радуешься от того, что у тебя получилось. Иногда ты бесишься от того, что не получается. Иногда ты устаешь.

В детстве я мечтал о путешествиях. Быть биологом, водолазом, ловцом змей. Отчетливо понимая, что все это в мечтах и останется. Не в той стране жили. Что же касается книг, я очень рано научился читать и до первого класса прочитал практически всего Жюль Верна. Удивительно, что сейчас, открыв эту книгу – большей частью это читать невозможно. Но тогда мне очень нравилось.

Доверяю своим ощущениям, не пытаюсь сверять это с каким-то графиком или таблицей. Свобода – огромная ценность. Благодарен Михаилу Сергееву за это, по гроб жизни. Всякий раз, когда его вижу, без стеснения говорю ему об этом в глаза. Советское время воспитывало советского человека, уродливое создание, которое было абсолютно не способно к свободной жизни, кроме как играть в современный мир.

Гениальных людей настолько немного, что отличить их не сложно. Нет «табличек», по которым можно определить, что гениально, а что нет. Я могу говорить о том, что мне нравится, а что нет, и почему. У меня достаточно хорошее образование и большой опыт, надеюсь, присутствует вкус. Я полагаюсь на это. Какими критериями оперируют другие люди, мне сказать трудно, я не могу влезть в шкуру каждого.

Я не делю музыку на современную или не современную. Есть музыка: хорошая и плохая. На протяжении лет шестидесяти появлялось огромное количество интересной музыки. Все идет по синусоиде – должен произойти выдох. На мой взгляд, сейчас мы находимся в нижней фазе, поэтому появляется меньше интересной музыки. Меня радует, что молодые люди умеют играть джаз, знают традицию, это приятно. Но это не Колтрейн и не Дюк Эллингтон. Надо это воспринимать как должное.

Искусство – это присутствие божественного в человеческом. Не знаю, почему у музыки такие приоритеты. Музыка тоже разная: бывает великая, а бывает – кабацкая. Я не думаю, что кабацкая музыка – это путь к богу. Великое – это то, что в своей области изменило мир. У физиков – это Эйнштейн, в джазе – Майлз Дэвис, в поп-музыке – Led Zeppelin, Rolling Stones, Beatles.

Меня вполне устраивают правила, изложенные в заповедях. Хотя я не могу назвать себя религиозным человеком. Не желать добра ближнего – то есть, не завидовать. Не врать – то есть, не лжесвидетельствовать. Если не убивать и не воровать – то уже все будет очень прилично.

На нас, на самом деле, влияет все. Не всегда мы можем знать или заметить, что именно. В те годы, когда ты молодой – ты впитываешь все, что видишь и слышишь вокруг. Полочки у тебя еще пустые, туда все это дело укладывается. Поэтому, на молодого человека повлиять легче.

Вдохновляли многие. Наталкивали на какие-то идеи, мысли, может быть, даже меняли ход событий. Когда я был в девятом классе, наша группа только зарождалась. Играть было не на чем: гитары были чудовищными и самодельными. Аппаратуры не было вообще. Единственное, что у нас было – это дикий энтузиазм и религиозное желание играть эту музыку. И вдруг к нам на вечер в школу приехала группа «Атланты». Они были старше нас года на три – огромная разница в возрасте. У них была настоящая, невероятно мощная аппаратура, электрические гитары «Фрамус». В антракте, страшно робея, мы подошли и попросили дать нам сыграть пару песенок на их волшебных электрогитарах. Они стали нас подкалывать. А их руководитель, Алик Сикорский, сказал: «Что вы издеваетесь, сами такими были недавно. Дайте ребятам сыграть». И вот это ощущение, как я впервые держу в руках настоящую битловскую электрогитару, которая издает громовой звук – оно меня зарядило на всю жизнь. И повлияло на все, что происходило в дальнейшем, если говорить о музыке.

Хаос – одна из самых устойчивых систем. Меня это отчасти успокаивает. Иногда мне кажется, что мир очень нестабилен. Все, что в нем происходит, зависит от настроения двух-трех людей, которые правят самыми большими странами. Или самыми опасными странами. Люди эти не вполне психически уравновешены и могут встать не с той ноги.

Люди очень любят мифы. Много лет безуспешно пытаюсь доказать людям, что страхи вокруг акул – выдуманные. Друг друга бояться надо, а не акул. Не хотят люди слушать. Хотите бояться – бойтесь.

У меня не бывает «я хотел бы», но есть «я хочу». Я хочу доделать эту песню и записать на студии. Я хочу послезавтра поехать в Норвегию. «Я хотел бы» – да ну вас к черту. Я живу настоящим, каким же еще мне жить днем.

What is Love – откуда я знаю. Если вы имеете ввиду влюбленность, то это безусловно заболевание, которое чаще всего проходит бесследно. Была такая симпатичная песенка, очень жалко, что мы были молодыми и легкомысленными – оригинала не сохранилось, а в фильме она звучит маленьким кусочком. Замечательный звукорежиссер Виктор Борисович Бабушкин, работавший тогда на Мосфильме, очень многому нас научил. Иногда он писал музыку для фильмов, как, например, для фильма «Тайна черных дроздов». Он придумал мелодию, а текст песни на английском попросил написать меня.

У каждого языка есть своя музыка и ритмика. Английский более емкий, слова – более короткие, хотя в каких-то вещах он метафоричнее. Поэтому, например, «Алиса в стране чудес» могла появиться только на английском языке. Мелодия – это отражение речи. Английский рок на английском языке звучит очень органично, а на немецком ужасно. Я подозреваю, что на русском он тоже звучит странно. Во всяком случае для тех, кто русским языком не владеет или для кого это звучание непривычно. Но если этим занимаются талантливые люди, то и мелодически он меняется, возникают другие формы, которые связаны со звучанием русского языка. С его напевностью, с его ритмикой. Это уже немного другая музыка.

Нет никакой пропаганды нецензурной лексики. То, что стали свободнее общаться, чем в советские времена – это индикатор уровня свободы, который присутствует в воздухе. Мы же не будем думать всерьез, что раньше люди меньше матерились? Если же мы говорим об использовании нецензурных слов в искусстве, то тут необходимо наличие вкуса.

Считается, что душа – это частичка божественного. Если это действительно так, то она совершенна. Чему же вы собираетесь учить то, что совершенно. Вы не совершенны. Наша душа нас должна чему-то учить. Просто мы ее плохо слышим.

Место, где свет,
Было так близко,
Что можно коснуться рукой.
Но кто я такой,
Чтоб оборвать
Хрустальную нить,
Не сохранить.
Прошло столько лет
И нас больше нет
В месте, где свет.

P.S. Этнос любого народа начинается с молитв.

Я не люблю политику и с большой осторожностью отношусь к религии. Вера и религия – вещи разные. Музыка – прекрасная область человеческого духа, но не стоит переоценивать ее влияние на мир.

Андрей Макаревич

ИМХО. Дзен Винни-Пух: «Сохранить душевную молодость – это большая удача»

Благодаря непрерывной духовной работе над собой, я, как частное лицо и как поэт, практически достиг в жизни уровня Винни-Пуха. Есть серьезная книга американского писателя Бенджамена Хоффа – «Дао Винни-Пуха». В ней более-менее убедительно доказывалось, что в сказке зашифрованы основы дзен-буддизма. Спокойного и мудрого отношения к жизни, без лишних страстей и злобы. Винни-Пух добрый очень. Хотя и эгоистичный. А дзен-буддизм – одна из самых симпатичных философских систем. Он оправдывает честную обывательскую жизнь с соблюдением некоторых моральных принципов: порядочности, чести и любви.

Все люди беззащитные и несчастные. Бывают грешники, люди каются и становятся святыми. Я ценю принципы Апостола Павла, но не умею любить так, как надо. Я в достаточной степени эгоист, как и мы все. Как идеал хотелось бы в себе это сохранять. Все люди, которые нас окружают, заслуживают минуту духовного просветления, которую мне иногда удается испытывать. Нет сильных, нет богатых, ничего этого нет. Есть просто такой симпатичный муравейник.

Главное – приблизиться к Господу, не к старичку на небе, а к тому, чему он нас учит. Этому всегда учили великие поэты, философы, художники. Художественная мистика – это такое слово для проникновения путем средств искусства: поэзии, прозы, живописи. Проникновение украдкой в высшие сферы. Другими способами это достигнуть невозможно.

Есть много компонентов счастья, и у каждого человека своя концепция. В культовой книге нашей юности – Братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу», сча-

стье определялось как отсутствие несчастья. Такая игровая книга. Мне кажется, счастье – это на какой процент человек смог реализовать себя. Или, говоря нормальным русским языком – состояться. И в этом смысле, я достаточно счастливый человек, несмотря на всю многотрудную биографию и приключения в жизни.

В детстве мне очень хотелось стать настоящим писателем. Жить в Переделкино, носить замшевую курточку, никогда не думать, ощущать ласковые лапы государства на своей шевелюре, которая тогда была. Ничего этого не состоялось, известность моя сомнительна. Того, что хотел написать, я не написал. Но, тем не менее, я шел в верном направлении и этого достаточно. Насколько у меня хватило внутренних сил.

Как человек, переживший советскую власть, одним из главных завоеваний перестройки я считаю возможность путешествовать по миру. Это даже важнее колбасы. По некоторым оценкам, в России заграничными паспортами обладает около 10 % населения, в Америке – 20 %. Отдыхают они дома, например, во Флориде. Для меня это непонятно, но, тем не менее, это факт. Значит, человечество устроено сложнее, чем я думаю. И, возможно, я не самый типичный его представитель. Все мои друзья со мной согласны.

Счастье – это движение, развитие, свобода. Мой любимый друг, великий поэт Алексей Петрович Цветков, в 70 лет уехал из Америки в Израиль. Он почувствовал, что надо резко изменить свою жизнь. Человек уехал в новую страну с чужим языком, без каких-то национальных предпочтений. Надо слушать свой внутренний голос. Меняется твоя биография, переживания, чувства – все отражается в творчестве. Когда же эти провокации делаются нарочно, без достаточной зрелости, а чтобы просто испытать приключения – они не работают. Получается халтура.

Жизнь менять надо, но согласовано с высшими законами. Приведу вам пример. Есть такой великий грех, им грешили символисты в начале века – они нарочно усложняли себе жизнь. В основном, это было на эротической почве. Хотя бывал и кокаин, бывало всякое. Хрестоматийно знаменитые: Белый, Блок, Брюсов – у всех были чудовищные романы, им совершенно ненужные. Они провоцировали жизнь на приключения. Ничего хорошего из этого не вышло. Символизм, в основном, остался мертвым течением.

Не нужно нарочно менять свою жизнь, чтобы писать. Это фальшивка. Нужно до этого дозреть. Когда ты меняешь жизнь искусственно – за все изменения придется дорого платить. С одной стороны, ты растешь как личность, с другой – неизбежны страдания. Не те, что у тебя запрограммированы, а совершенно новые, необычные и катастрофичные.

Состоялся человек или нет – это не оценишь ни в деньгах, ни в успехе. Неоднозначный критерий. Вот, Апостол Петр, например. До сих пор мы чтим его память, а по жизни был бродяга, которого распяли вниз головой. Апостолу Павлу, одному из самых светлых людей в мировой истории, голову отрубили. И был предателем родины, кстати, заметьте – будучи римским гражданином, он предал Рим.

Цель в том, чтобы наилучшим образом выполнить то предназначение, к которому Господь тебя создал. Но ты же не знаешь этого предназначения? Я сочиняю стишки, а мог бы стать гениальным сапожником. Твоя настоящая цель может быть от тебя скрыта. Есть такой смешной роман Марка Твена «Письма с Земли»: герой попадает в рай и просит показать

ему первого поэта за всю историю человечества. Им оказывается кузнец из провинциального американского городка. Как поэт он гораздо выше Шекспира, но об этом никто не знал.

Землеройка ходит на четырех ножках. У змеи ног вообще нет, но она умеет очень быстро двигаться. Каждая по-своему свободна и выстраивает свою жизнь. Так и человек. У него есть какие-то задатки, принципы врожденные или усвоенные, в согласии с которыми он выстраивает свою жизнь. Это не всегда получается, человек может продаться или заболеть тяжелой болезнью. В идеале, такой сложный процесс духовного роста, должен подчиняться одной цели. К сожалению, мы ее не знаем, но я попробую выразить.

Основной принцип жизни, ее духовная цель – это бескорыстие. Ты должен жить не для себя, а для этой не формулируемой цели, которую тебе предназначил тот, кто на облаке сидит, подхихикивает и на нас с вами смотрит. В широком смысле – не надо продаваться. Есть десятки примеров людей, которые продались за деньги, славу, власть. Как раз они для меня не состоялись. Вот Евтушенко недавно умер, и я грустил. Человек, плод своего времени, при всех противоречиях биографии. У него был незаурядный талант, сформированный тем временем и теми установками. Мне кажется, он очень многого достиг и выполнил свою роль в продвижении русской культуры на все 100 %. И даже перевыполнил. Я всегда буду благодарен таким людям – в бесчеловечном режиме они были первыми живыми ростками.

Никогда поэту в искусстве не жилось легко. Фокус состоит в том, что за многими произведениями современного искусства и литературы не стоит ничего, кроме как заработать денег и развлечь читателя. Никакой особой духовной составляющей там просто нет. Но я думаю, это ситуация вечная и всегда была.

У нас идеализированное представление о прошлом. В силу материальной зажиточности всего цивилизованного мира мы очень избаловались. У нас огромный выбор. Никогда человечество не было таким богатым и процветающим как сейчас, а Россия такой благополучной страной. По сравнению с Советской властью – это просто рай. От прошлого остается очень мало, концентрат. Это приводит нас к ложным идеям. Стандартная диета крестьянина сто лет назад составляла 800 граммов хлеба в день. Нищета – это унижение, постыдное состояние, которое не дает духовно развиваться. Крестьянин вешал у себя лубок на стене или скоропечатную иконку. Чудовищные иконы XIX века, в которых не было никакого искусства. У индийского крестьянина висело изображение Брахмы и синелицею Шивы с шестью руками. Какое же это искусство? Это такая дешевка, что просто страшно.

Мы читаем про серебряный век русской поэзии, завидуем и вздыхаем, как было здорово. Потом узнаем, какие были тиражи: у Фета – пятьсот экземпляров, у Пушкина – две тысячи. И это были огромные тиражи. Большинство поэтов, как Мандельштам, Блок, жили на деньги богатых родителей. Реально поэзией зарабатывал лишь Северянин, да и он был достаточно беден. Вермеер, один из самых величайших художников мира, прославился портретами женщин, игрой световых эффектов и умением делать выражение лица. Он рисовал довольно однообразные картины, но каждый из его холстов – на вес алмазов. Знатоки подсмеиваются над ним, что на всех картинах герои изображены на одном фоне: большая географическая карта и свет из окна – очевидно, это его мастерская. То есть, у него даже денег не было на хороший фон. «Красные виноградники в Арле» – одна из немногих картин Ван Гога, которую ему удалось продать при жизни. Сейчас она находится в Пушкинском музее, а стоила 400 франков. Возможно, он хотел бы вместо хлеба есть пирожные, но не получалось.

Сегодня и только. Как чудесно, возможно, жилось в древнем Риме. Но это зависит от того, кем ты там был – сенатором или рабом? А я категорически отвергаю идею жизни за счет рабов. Мне стыдно это. Если бы я нынешний попал в эпоху Пушкина, мне было бы безумно стыдно, что я живу за счет крепостных. Еще 150 лет назад завоевать соседнюю страну и поработить ее население считалось большим подвигом. 2000 лет назад казалось нормальным завоевать чужую страну и истребить все ее население, кроме женщин, или продать их в рабство. К счастью, сейчас мы понимаем, что это не работает.

Мне хотелось бы быть евреем и жить в Израиле, например. Редкий пример, когда нацию объединяет единое чувство патриотизма. У меня вызывает восторг эта страна. Но в Израиле я бы начал жалеть арабов. Я жил в стране, которая строила коммунизм для будущих поколений. Но я не хочу жить для будущих поколений, я хочу, чтобы все вокруг меня были счастливы настолько, насколько Господь позволяет человеку.

Любая духовность выше, чем голая жадность и потребительство. «Прощай любовь к вещам. У неба ни рубля.» Все ценности нашего мира, которые можно потрогать, стоят довольно мало. Очень простой совет, я все-таки мудрый Винни-Пух. Диоген в бочке жил, это, конечно, лишнее. Но есть граница в жизни, на которой надо остановиться – между нищетой и достойной бедностью. Нищета – это нехорошо. А все выше этого – от лукавого. На каждый шестисотый мерседес есть восьмисотый, на каждый восьмой айфон есть десятый. Это путь бесконечный, порочный и ведущий в никуда. Он порождает ненависть, зависть, неуважение к другому народу, убийство. Если толпа бритых наголо людей ходит и распевает про Кришну, то это гораздо лучше, чем они будут колоть наркотики и бить таджиков. Надо любить людей, врага своего, даже если такая цель кажется недостижимой.

Я верю в дружбу между народами. Уважение, гуманизм, умение работать. Имперское сознание мне чрезвычайно неприятно. Ощущение, что ты обиженный – это одна из самых страшных вещей. С ней связано характерное появление слова «русофобия», явления, которого как такового и нет. В мире нет специальной нелюбви к русским. Это придумка, чтобы держать людей в напряжении.

Есть куча вещей, где можно самоутвердиться. Что и делает из мальчика мужчину, так это материальная ответственность перед семьей, стариками, родителями и детьми. Работай спасателем в горах, это гораздо более благородная задача, нежели бряцать оружием. Я говорю про армию со всей этой дедовщиной и экскурсиями в Сирию. Взять Швейцарию, где каждый год все мужики служат по месяцу в лагерях. Такая армия как национальная традиция имеет смысл, Гитлер не пошел на Швейцарию не из-за того, что хотел сохранить еврейские деньги в швейцарских банках. А потому что он испугался швейцарской армии, она считается очень мощной. В Канаде армия сугубо добровольная, это справедливо. Есть люди, для которых армия – это призвание, профессиональные офицеры, я их очень уважаю. Офицер защищает свое отечество, он идет туда добровольно.

Недавно появился портрет Канады. Я практически прослезился от умиления. Скверик, много молодых людей смеются, веселятся, какой-то митинг, а в центре стоит нынешний нежно любимый премьер Канады, внук легендарного Пьера Трюдо – Джастин Трюдо. Весь из себя такой левый и хохочет с очень счастливой мордой. На нем висит прыгнувшая из толпы полуобнаженная девица, в шортах, с огромным количеством татуировок. И он ее с очень большим удовольствием мацает. Канада сильно выделяется в этом плане. Нормальная страна, за это я ее очень люблю.

Казахстан никогда не был великой державой. Даже исторически у них не было никогда комплексов великой державы: никого не завоевывали, никого не трогали. Там есть чудовищное наследие советской власти, постсоветского развития, как и здесь: воровство и отсутствие судов. Этой душной атмосферы георгиевских ленточек нет. Это очень здорово, это приятно, это свобода и есть. Знаете, как Казахстан поступил на голосовании ООН по Крыму? Казахский представитель заболел и не пришел на голосование.

Имперское сознание очень вредит России. Оно очень сильно и давно устарело. То, что большевики расстреляли государя императора – совершенно чудовищное преступление, мы до сих пор за него расплачиваемся за счет деформации народного сознания. Золотого века, разумеется, никогда не было, у монархии были недостатки, но если бы не господа большевики, то все эти недостатки постепенно бы эволюционировали. То, что произошло, было ножом в сердце народа и его национального сознания.

Высокая литература вызывает у меня восторг. Есть одно замечательное исключение наших дней, где массовая культура сомкнулась с высокой культурой – это Борис Акунин. Легкое чтение, наш русский Александр Дюма. Это человек нашего круга, великолепно знающий литературу, один из немногих людей, кому я искренне завидую. Лет в сорок пять у него вдруг проснулся талант писателя, и он стал всемирно знаменитым благодаря своим детективными романам про Фандорина. Человек умеет писать просто и понятно для народа, при этом этически безупречно. Патриот, чьи идеалы где-то в царской России, которую он изображает без всякого стеснения со всеми отрицательными чертами. Но после его романов ты начинаешь рыдать, какая же замечательная была страна со всеми ее недостатками. И какая гадкая страна сейчас. Надо ко всему спокойно относиться:

Ты царь: живи один.
Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

Роль поэта – понять божественные ценности и нести народу. Их список удивительно краток: все христианские ценности, любовь, доброта и трагизм жизни, поскольку мы все рано или поздно помрем. И из этого вытекает любовь. Все это понятно. Простые ценности, к сожалению, народ не понимает. Пушкин об этом писал в разговоре поэта с чернью:

Нет, если ты небес избранник,
Свой дар, божественный посланник,
Во благо нам употребляй:
Сердца братьев исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнездятся клубом в нас пороки.
Ты можешь, ближнего любя,
Давать нам смелые уроки,
А мы послушаем тебя.

Поэт должен быть абсолютно свободен, делиться прекрасным с народом, своей душой. Он живет за них, страдает за них, как бы это напыщенно не звучало.

Мандельштам сделал для меня гораздо больше, чем все Эйнштейны мира. Перефразируя Эйнштейна, который говорил, что без Достоевского не смог бы сделать всех своих великих открытий. Я сочиняю свои стишки, но я же еще и читатель. Я очень люблю поэзию и благодарен великим поэтам за то, что они вводят меня в круг своих чувств и мыслей, приобщая к высшим сферам. Которые, при моем скромном таланте, может быть даже мне недоступны.

Чтобы оценить книгу, надо заплатить за нее реальные деньги. Когда умирал великий английский поэт-классик Томас Элиот, он оставил завещание, в котором запретил издавать его книги доступными тиражами в дешевых изданиях. Допустим, я никогда не зарабатывал деньги поэзией. На доходы с поэзии даже кофе не купишь. Когда томик Пастернака или Мандельштама нужно было покупать на черном рынке, отдавая за него месячную зарплату, то человек гордился, как и любой дорогой вещью. Она выделяла его из окружающих. Электронная копия стихов Мандельштама никак не выделяет тебя. Возьмем американские джинсы Levi's – в нашем поколении это был предельный статус, они стоили двухмесячную зарплату. А теперь это простые синие брезентовые штаны, умеренно удобные. Доступность искусства в век информатизации духовно зачищает нас. Ты уже понимаешь, что никаких внешних факторов нет. Хорошо это или плохо, да черт его знает. Да просто никак. Это просто другая реальность. При советской власти свежий огурчик, который можно было добавить в салат оливье на новый год – был событием года. Вот так изменилась жизнь.

Осталось мало читающих наций: французы, германцы, американцы. Однажды мы решили прокатиться в метро в Рио-де-Жанейро. Заходим в местный магазинчик, где продается всякая всячина: сигареты, лимонад, дешевые книжки в бумажных обложках. Мне стало интересно, что же читает этот бедный бразилец. Россия уже тогда переключилась на Маринину и Донцову. Мне так стало стыдно – среди двух дюжин книг на этой вертушке была лучшая мировая классика: Федор Достоевский, Джеймс Джойс, пьесы Аристофана, реальная мировая классика.

Стишки, любовь, путешествия. Всегда есть, чем наполнить свой мир. Я оказался подвешенным в пространстве между континентами, живу в Америке с канадским и российским паспортами. Немного нервное, но приятное состояние. Читатель мой в России. На мои выступления в Нью-Йорке приходит тридцать-шестьдесят человек, возрастная категория уже не та. Молодежь сидит по домам, играет в компьютерные игры, пьет пиво. К Америке отношусь с уважением, но без большой любви. Мне нравится Канада, Финляндия – западные люди живут в раю, но они этого не понимают. Они другой жизни не знают. Я писал на английском – пустая трата времени. Это как стихи Бродского: по-английски они абсолютно не сопоставимы с его стихами по-русски. Нельзя стать американцем, если тебе не пели в детстве колыбельных песен по-английски. Ты всегда будешь немного чужим. В этом трагедия иммиграции для литератора, которая продолжается всего одно поколение.

Жизнь – драматическая штука. Не хочу кокетничать, я ее почти прожил, как-то она сложилась совсем не так, как я планировал. Один из замечательных принципов в жизни, который открыл мне Александр Сергеевич – ни о чем не надо жалеть, все к лучшему:

И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаяю,

И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

Сохранить душевную молодость – это большая удача. Человек создан для того, чтобы состариться и помереть. Ему остается только сжать зубы и спокойно это принимать. Есть проблема гораздо более серьезная: большинство людей стареют душевно. И вот этого допустить никогда нельзя. Все мои друзья, среди которых есть люди и постарше – все сохранили правильный внутренний возраст. Мой, например, тридцать пять! Так я чувствую себя, это большая внутренняя работа. Иногда становится так грустно, хочется на все плюнуть, уехать в деревню, воспитывать внуков. Но очень редко, слава богу!

Один из аспектов нашей жизни состоит в непрерывном развитии. Никогда не останавливайся на том, что ты достиг – это открывает дорогу делать что-то еще. Алексей Петрович Цветков писал чудесные строчки – «если через полгода тебе нравится, что ты написал, то никакой ты не поэт».

Один из самых страшных грехов – это самодовольство. Древние придумали выражение «почивать на лаврах». Надо ставить цели, которые, как линии горизонта, все время отдаляются по мере приближения к ним. Но ставить их конечно надо. Все великие русские поэты прожили чрезвычайно драматическую интересную жизнь. Допустим, самый благополучный человек из гениев русской литературы XX века – Пастернак, переводил, зарабатывал деньги, издавался и прочее, а копнешь – и вдруг видишь какие-то совершенно страшные вещи. Любимую женщину посадили в тюрьму. Роман написал – так заставили отказаться от Нобелевской премии. Затравили. Это вызывает большое уважение.

Как верующий человек, я верю в загробную жизнь. Как умный человек, смею надеяться, что ее не может быть. Она, возможно, есть, но будет настолько отличаться от этой, что можно считать, что ее нет. Тему смерти я всегда стараюсь как-то зарифмовать красиво или отшутиться. Красота и любовь ее искупают в каком-то роде. Это все еще у отцов церкви написано.

В чудеса я не верю. Я не верю в церковь, обряды, все это ерунда. Христос сделал много чудес, чем и составил себе славу: исцеление больных, вода в вино – в это я верю, богу это легко. Захочет, так Землю наизнанку вывернет. Один из основных постулатов христианства: блаженны не видевшие, но уверившие – блаженны те, кто не видел чудес, тем не менее верят.

Представьте себе аквариум, а в нем плавают золотые рыбки. Вот это их мир, там затонувший пиратский корабль, они там живут. Нет ничего другого, они не могут себе представлять жизнь хозяина аквариума. Никак. В их маленьких мозгах нет для этого способностей. Вот так мы соотносимся с Богом – мы не можем себе его представить. Он за пределами нашего сознания. И сделать с этим ничего нельзя. Мы можем придумать метафору, которая объяснит, почему мы не можем его понять. Но не более того. И я не верю, что бог как-то вмешивается в нашу жизнь. Это все детские сказки.

Сократ однажды пришел в храм Посейдона в Афинах. А он был атеист, как известно. Жрец говорит: «Как тебе, Сократ, не стыдно, видишь сколько здесь венков? Это принесли моряки, которые во время бурь помолились Посейдону, и он их спас. Видишь, как их много!» А он отвечает: «Сколько бы их было, если бы принесли те, кто не спаслись?»

Живешь, болеешь, умираешь, влюбляешься, приключения, дети, природа – нормальная человеческая жизнь. Все не просто так, зачем-то ты есть. Почему и как – человечество может объяснить только через искусство. Затем и живем.

Напишешь какую-нибудь строчечку и вдруг думаешь, ведь что-то я понял сегодня. Что вне стенок моего аквариума.

Бог живет за пределами Вселенной, где другие физические законы. Там другая таблица Менделеева, он выше нас – сознательное высшее существо. Он устроил всю эту комедию, всю Вселенную, для своего развлечения. Была такая игрушка в Америке – муравейник, разрезанный пополам, отделенный стеклом. Муравьи, за которыми можно наблюдать, вот и он так же. Один раз вмешался, когда Христа послал, это был последний раз.

Высший мир непознаваем, необъятен, невидим, но он существует. Человечество существует для того, чтобы какими-то своими коготками поцарапать ту алмазную сферу, которая в принципе не царапается. Она отделяет нас от этого высшего мира. Для этой задачи существует поэт – он умеет чувствовать и приобщает нас к этому абсолютно необъяснимыми путями. Вот, может быть, в этом один из смыслов искусства.

В игольчатых чумных бокалах
Мы пьем наваждение причин,
Касаемся крючьями малых,
Как легкая смерть, величин.
И там, где сцепились бирюльки,
Ребенок молчанье хранит,
Большая вселенная в люльке
У маленькой вечности спит.

Что это? По-русски это называется божественным откровением. Хотя пересказать словами я это не могу. Но чувствую за этим высокий великий смысл, от которого сердце начинает биться. Вы почувствовали, я надеюсь?

P.S. Я по жизни человек довольно робкий.

Все вещи значимы. Все, что вокруг нас происходит, можно усвоить в качестве сырья для творчества.

Увядают в парке розы, дует злой гиперборей.
Наступает время прозы – на, возьми ее скорей!
Так убого время года (а короче – время го)!
Полуголая погода и совсем не о-го-го.
И опять с берез осенних облетает жухлый лист,
и растерян, как Есенин, одинокий гармонист.
Небогатые соленья. Равнодушная природа.
Никакого просветленья и московского метро.
Коль гармония в природе в эту пору небольшая,
ни к элегии, ни к оде не торопится душа, —
гармонист! Берись за прозу! Что ты зыришь, дурень, ввысь?
Размести в петлице розу, за политику возмись.
Не текущим ли моментом дышат рідные края,

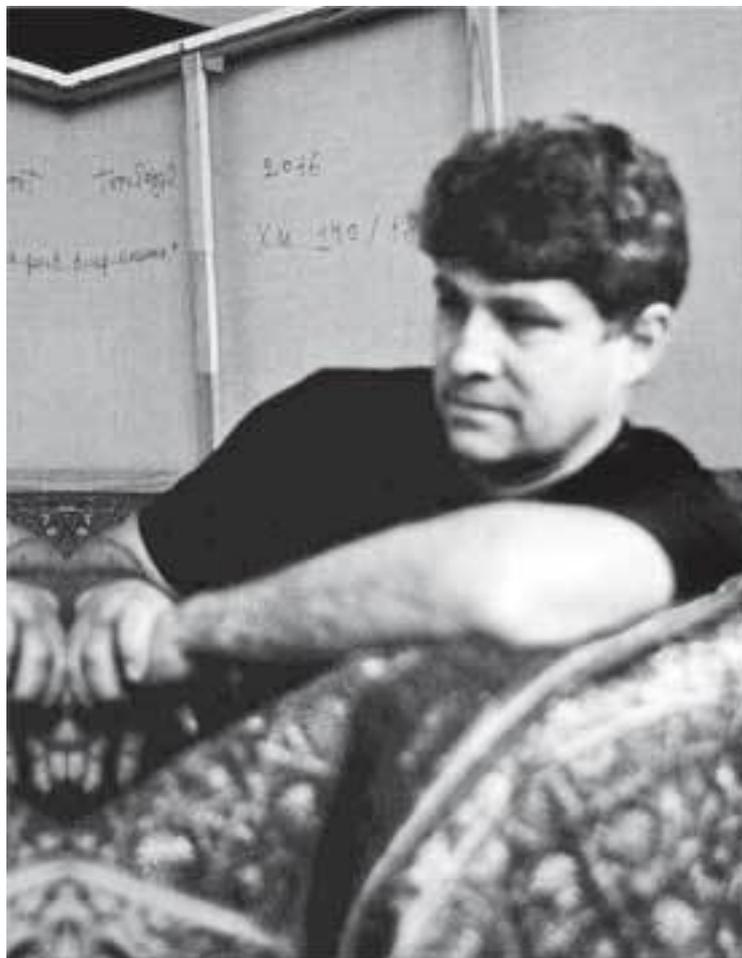
голосистым инструментом звуки новые куя?
Доедай, а я доеду к водоему, девы где
молодому людоеду моют ноги и везде.

* * *

У фонарей, где хлопья снега тают,
где голос плоти теплится едва,
невидимые ангелы летают —
беспольные ночные существа.
Зачем – бог весть. Не дышат, но играют.
Не знают ни заботы, ни труда.
Поют. Разносят вести. Проплывают.
Не пьют. Не существуют никогда.
А я еще носить умею имя
и отвечать вопросом на вопрос —
но спорить не осмеливаюсь с ними,
печальная машина без колес.
Немного водки, осени немного.
Умыть лицо. Обнять родной порог.
Изготавливать суглинистого бога
из месива проселочных дорог.
Мы лузеры, мы оба в мелком ранге,
но все-таки не улетай, постой —
храни меня по имени, мой ангел,
фантомной боли доктор золотой.

Бахыт Кенжеев

ИМХО. Virtuoz: «Планка сознательно выше, чтобы человечество до нее доросло». «Свод нравственных законов написан не в книгах, а у людей на сердце»

Одно из моих главных достижений – я поверил в человека, в себя. Все, что человек задумывает не в формате мечты, а задачи – выполнимо. Главная беда любого человека: лень, малодушие, страх. Если научиться с этим справляться, то можно достигнуть радостных супер-состояний. Счастье всепоглощающее и перманентное невозможно. Человек, который стремится к такому состоянию – глубоко несчастлив.

Процесс – очень важная штука, к нему надо относиться серьезно. Пусть он тяжелый, требующий много усилий и времени, но если внутренне комфортный – то задача выбрана правильно. Бывает и так, что напишешь вечером что-нибудь, а наутро очень боишься встречи с этим произведением. Нарисуешь и думаешь – не буду на это смотреть, не хочу больше проверять. И может пройти ночь, день, два, месяц, куда-то уезжаешь, потом возвращаешься. Это нормальный рабочий процесс. С возрастом это проходит.

У меня были завышенные к себе требования. В детстве было много бессмыслицы. До 13 лет не мог определиться, кем быть – альпинистом или спортсменом. Но решил природу не насиловать и стал художником. Вырос я в Москве на Верхней Масловке – такой художественный улей Москвы. У моего деда академика там была своя мастерская со всеми

элементами художественной жизни и запахами масляной краски. У меня была уверенность, что я очень серьезный художник. Меня бесило, что это подтверждалось не сразу. В какой-то момент я боялся оказаться профнепригодным. Эта фобия довольно долго со мной жила. Я не любил музеи, потому что всегда находил там на стенах недостижимые вещи, но и это прошло. То ли я совсем обнаглел, то ли потерял «берега», но теперь мне страшно интересно ходить по музеям. Уже не боюсь мировых авторитетов и везде нахожу единомышленников: Дюфи, Пикассо, Матисс, Рембрандт.

Гениальность – это виртуоз. Мой личный эгоистический кайф – сделать вещь, которую я задумал, а не которая получилась. По которой не видно сопротивления материала. Чтобы, глядя на картину, не возникало мыслей: «Ой, ну понятно, он сел, старался, пытался, пот шел». Величие в искусстве – будь то кино, музыка, книга – это вещь, сделанная, со стороны зрителя, слушателя, читателя, легко. Когда никто не понимает, как это сделано. Мастерство – это психически тяжело, это огромный труд, которого не должно быть видно.

Художник – это связь между мирами. Гениальный художник не всегда понятен и фильтруется временем. Его диалог идет на другом уровне: его планка специально выше, чтобы человечество до нее доросло. Если планка ниже общественного вкуса, по прошествии времени такие художники оказываются в среднем ряду, и наоборот.

Человек умелый больше защищен. В начале пути у тебя должен быть запас прочности и мотивации, чтобы выдержать период ученичества, сплошные сомнения, критику. Надо больше любить, больше терпеть. Если кажется, что тебя не принимают – стань мастером своего дела. Бывает есть задумка, хочется сделать, но, если что-то не умеешь – надо дожимать. Ты можешь остаться без денег, непризнанным, но если ты виртуоз и ремесленник – делай то, что хочешь, а не то, что получается. Есть большая разница между тем, что получается и тем, что задумал. Молодой художник должен экспериментировать, не замыкаться. Делай, что легко получается, но делай это изо всех сил. Надо себя найти, свой жанр, свое место в искусстве, в жизни – может, ты великий керамист или анималист. Не надо сидеть в состоянии среднего специалиста, если тебя прет, чтобы в какой-то момент ты мог честно ответить себе на вопрос: «А все ли я попробовал и все ли силы отдал своему делу?» Каждый человек одарен и должен быть лучшим. Свои способности нужно отыскать, не всем это удастся сразу.

В Москве подход к обучению более консервативный, граничащий с фашизмом. Я учился в Московском художественном училище на Сущевке, где людей не раскрывали, а наоборот, зажимали, даже внутри каких-то реалистических традиций. Студенты издевались над педагогами, принося на экзамены распечатанные наброски Матисса. И комиссия ставила им не двойки, не пятерки – а тройки. В это время в Тбилиси уже на всех уровнях общество начало освобождаться. Там, в Академии художеств, были совершенно другие методы. В рамках одного и того же курса людей раскачивали, предлагали им делать абстракции, инсталляции, суперреалистические вещи.

Шум деревьев или опавшая листва иногда дают больше, чем литургия. Много религиозной литературы читал. Есть такой четырехтомник «Добротолюбие», в котором сподвижники первых веков христианства описывали метод достижения святости. Такая монастырская литература о том, как следовать Христу. Подражать не его карикатуре и не интерпретации, а найти внутри себя своего Христа, свое христианское «я». До нас мало дошло прямой речи. Все было пересказано с учетом конъюнктуры государственного заказа. Это все не про свод запретов, рекомендаций или ограничений, а скорее, как в искусстве – поиск себя. У меня

были разные периоды, от ультрацерковленности до нигилизма. Меня спасали «Дневники» Александра Шмемана – это живые записки священника. Пронзительно, с оценкой, с разочарованием, честно. Жизнь – это поиск моего христианского я, в моем случае. И у каждого – свой путь и свой поиск, сколько людей, столько и путей.

Господь не полицейский, у него другая задача. Все двенадцать апостолов прокололись. Когда распяли Христа, остались только женщины, все разбежались, один повесился. Трижды Петр предал его, но пришел и раскаялся в отличие от Иуды Искариота, который тоже раскаялся, но не пришел к учителю – просто повесился, а 30 серебряников выбросил. Вот два разных пути – оба предатели, но один правильно поступил в итоге.

Как говорил апостол Павел: «Все мне позволительно, но не все полезно». А что тебе полезно – надо найти. Иногда, к сожалению, через потери. Необязательно говорить человеку, что он сделал гадость. Он всегда и сам это чувствует и знает. Свод нравственных законов написан не в книгах, а у людей на сердце. Главное расти, искать себя, следуя своим движениям души и разума. На свете только два движения: вверх или вниз. Многие люди, не решаясь двигаться вверх, думают, что могут задержаться на своем уровне – это иллюзия. Значит, человек падает.

Человек идет по духовному пути самостоятельно, насколько у него хватает темперамента, сил и времени ошибаться. Заблудился, возвращаешься к исходной точке и снова идешь. Главное – иди, плачь по дороге. В учителях есть засада – ты должен довериться, но нет гарантий, что тебя ведут по правильному пути. Духовные учителя могут надолго увести в другую сторону. Было бы здорово, если бы они как доктора руководствовались принципом «не навреди». Но они тоже люди и растут. На каком-то этапе, если человек плохо ходит в физическом и духовном смысле, нужны костыли. Хотя мы все рождаемся святыми. Порой достаточно побеседовать со своим «я» – там находится много ответов. Чтобы приблизиться к Богу, например, обязательно что-то есть или не есть. Есть вещи намного сложнее и важнее – любовь и прощение.

Любовь – это созидательная деятельность. Это приятие чужого пути без попытки приватизировать чужую волю и жизнь. Она посылается как чудо. Условно говоря, вначале тебе дается аванс. Нравится не нравится, обаяние, химия, совместимость, а дальше идет работа, начинаешь строить совместный дом. Это если мы говорим о любви между двумя людьми, что тоже является частью любви. Любовь она большая. Это совокупность твоего отношения к воздуху, морю, людям. Бога никто не видел, он является нам через сюжеты, отношения, персонажей, что намного больше подтверждает его присутствие на земле, чем купола золотые. Хотя в свое время – это тоже было важно. Но пора вернуться к истинному пониманию религии, что в переводе «связь», связь с Богом. На сегодняшний момент религия превратилась в доктрину, почти военную, подавляющую человека, узурпирующую его волю, разъединяющую людей, общество, страны, вполне с коммерческими задачами. Очень важно не путать религию и веру.

Главное чудо на Земле – это человек. Ни с какой точки зрения не объяснить его. Что такое способность человека сочинять музыку? Когда я был помоложе, искал бесконечные чудеса. У нас с друзьями был целый клуб «поисковиков чудес». Эти, так называемые, чудеса – помолился и экзамен сдал, были нужны и важны, но это все детская чушь. Сейчас для меня каждый день – уже чудо. Я серьезно благодарен за каждый день небу. В каждом дне есть масса всего таинственного.

Свобода – важнейшее состояние души. Это некая мера допустимых действий внутри обычной жизни. На что ты можешь пойти, а на что нет, учитывая грань, чтобы не навредить. Главная цель – это найти и полюбить себя. Только любящий себя человек способен по-настоящему полюбить другого. В Евангелии написано: «Возлюби ближнего как самого себя», – важнейшая фраза, особенно вторая часть. Важно принять себя, быть с собой в согласии, оценить свои достоинства. Это в банальном смысле не полировать себя каждый день, а работать над своими задачами, которые надо ставить перед собой и стремиться их выполнить. Используя этот метод, ты можешь полюбить другого. Ты будешь бесконечно обижаться на общество или другого человека, пока не примешь себя. Тебя не любят, потому что ты сам себя не любишь. Ты сам себя еще не принял.

Миссия человека – вырасти. Человек – это часть Бога. Человечество идет к состоянию, которое в итоге позволит ему войти в вечность. Взять ветхозаветный закон «око за око, зуб за зуб» – он был вполне актуален, но для того состояния человека. Это был ограничительный закон. То есть, если тебе выбили глаз, ты тоже должен был пойти и выбить глаз, а не перерезать весь город. Но, внимание, ребята, не заводимся – выбиваем только один глаз! Могли вырезать и весь клан, если обидели твою сестру, это было нормально и записано в законе. Мечь теперь не закреплена законом, человек вырос из этого.

Морально тоже можно уничтожить. Западное общество открыто к дискуссиям. На уровне сериалов идет полемика по серьезнейшим темам: гомофобия, домашнее насилие, эмансипация. Обсуждают живую, честно, а не сопливо, разделяя на плохих и хороших. Наши сериалы – это проститутки, бабки, чиновники, бандиты. Внутри общества нижайший уровень дискуссии. В западном обществе культура настроена на то, чтобы приняли разных людей: некрасивых, толстых, больных, таких, сяких. Возраст западного общества ментально взрослее. Общество более зрелое и гуманистическое, хотя там тоже есть своя паранойя и болезни. Ошибаются все. Но мы благодаря революции уже 80 лет под властью таких средних троечников, довольно диких, с очень простыми коммерческими задачами. По-настоящему сумасшедших сейчас уже нет – просто циничные «коммерсанты». Нынешняя власть помягче большевиков: никого не улице не стреляют, но задача у них одна – благосостояние и безопасность правящей элиты, то есть себя. Слава богу они очень любят красивую западную жизнь, что позволяет нам как-то двигаться, иначе страна была бы захлопнута. Дети, прекрасные жены, любовницы, деньги, бизнес их – там, поэтому страна до конца не закрывается. За это им спасибо, что они любят часы, мерседесы, хорошее образование, Лондон – это нас долгое время спасало. Это должно как-то эволюционировать, чтобы они не заперлись в тайге, обложившись шкурами, женщинами, вином, закрыв страну, что технически возможно. Они надолго затормозили развитие русской мысли: религиозной, философской, общественной, социальной. Она, конечно, мучительно где-то развивается через не глухую решетку.

Генетический код русского человека на 50 % состоит из страха. Если говорить про 30-е годы, то там понятно: рот открыл – и тебя мгновенно расстреливали. Сейчас же нет такого риска как раньше, но есть генетический страх, начиная от Ивана Грозного, Петра Первого, монголов... Хотя власть изображает вполне решительную возможность репрессий. Это может быть точно, показательно, все это пока детский сад, но тем не менее очень работает.

Ответственность за происходящее лежит на интеллектуальной элите. Правящую элиту понять можно, она отстаивает свои личные интересы. А русский народ как больной ребенок. Высшая степень цинизма – это пропагандисты, которые зарабатывают деньги тем, что делают идиотами всю живую массу. При этом мыслями и сердцами живут где-то «там».

Можно простить страх, но не продажность. Нет мужества сказать, как есть – смелых людей мало. Но доказывать с пеной у рта за деньги, отстаивая эту рабскую, полукрепостную модель существования – это простить нельзя. Выход из этого, как и всегда, за пределами рационального – когда Господь увидит: «Хорошо, ребята, вас испытывать больше смысла нет». Наверно, какие-то процессы выздоровления идут.

Я верю в предопределенность, но в этом сценарии человек участвует серьезным образом. Вроде он написан, но внутри этого сценария человеку дано развиваться и импровизировать. Это большая тайна. Чувствуется, что какие-то вещи прописаны, но на самом деле – это все наши эмоции. Ощущение того, что я так и знал, так и чувствовал. Человек – серьезная боевая единица внутри этого божественного промысла. Иначе бы Бог бесконечно вмешивался, ощутимо, зримо, и довольно легко сделал бы золотую клетку, внутри которой все были бы хорошие и обнимались. Но ему интересно, чтобы человек прошел через все эти испытания, рост и пришел к своему натуральному состоянию величия. А не так называемому состоянию до падения в раю. Это же некоторая мифология, которая показывает, что было некое продвинутое состояние, а теперь мы растем. Условно, как ребенок, человек сначала стоит в манежике, потом его выпускают. Понятно, что он звезданется об угол, но все равно, не будешь же его держать в вольере. Вот так и человека выпустили из вольера, где у него все было: игрушки, еда – и теперь он периодически сшибает углы, падает, кого-то убивает, но движется дальше.

Есть некий рубеж, куда человечество движется со всеми своими ошибками. Эта цель, некое движение, она пронизывает лучами всю историю человечества. Некий свет: где-то плохо проходит, где-то хорошо, а где-то сияет. Потом исчезает, но все равно пробьет. То темно, то светло, но все равно он движется.

P.S. «Художник – это серьезная история. И при всех тяготах этого состояния, это величайший статус». Так всегда мне говорил отец: академик, серьезный функционер, художник, руководитель института. Для меня он поднял статус художника до небес. Меня поражала его внутренняя свобода, он никогда не был идеологически костным. Быть художником – это определенный статус свободы. Это меня восхищало в отце. Но также это многотонная плита, которую никто не видит – как художник ночами плачет, не уверен в себе, разочаровывается. А моя мама была светлейшим человеком невероятной доброты, которую многие принимали за слабость. Очень долго и терпеливо она могла наблюдать за тем, как ее унижают, а потом как гибкая ветка срикошетит – и обидчика нет. До конца, до 70 лет она была женщиной. Молодость – это прекрасный аванс, но люди могут оставаться активными участниками настоящего до конца жизни.

Константин Тотибадзе

ИМХО. Капитан Сорвиголова: «Я все время куда-то стремлюсь»

** Из чего создан мир, и что скрывается за горизонтом. Как превратить жизнь в чудо и помогают ли в этом священные заповеди. О сверхспособностях, и о главном смысле любви. Торопись не спеши...*

Вся жизнь как одна большая кардиограмма. Это непостоянная, изменяющаяся субстанция: в ней всегда есть пики и падения. Допустим, написал стихотворение. В этот момент ты чувствуешь пик и миг – их абсолютное соединение. Соединение твоих желаний, мечты и ее реализации. Ты выходишь на сцену не в первый, не в пятый и не в десятый раз – и вдруг происходит абсолютное соединение твоей природы, смысла, все встает на свои места, и ты играешь, как хотел Станиславский... Или – ты смотришь на своего маленького ребенка: как он засыпает и просыпается. Счастье как вспышка, озарение, это невозможно сформулировать.

Чем богаче твое воображение, тем больше твои возможности. У меня достаточно богатое воображение. Я могу представить свою жизнь любой.

Я все время куда-то стремлюсь. Про меня говорят: «Ты счастливый человек, в профессии многого добился». Но в этом стремлении есть ощущение, что настоящее счастье еще не испытано. Это как линия горизонта, которую ты видишь, но приближаясь к ней, понима-

ешь, что она остается от тебя на том же расстоянии. При этом ты все-таки знаешь и помнишь счастливые мгновения. И потому всегда стремишься к ним.

Мир – это то, что происходит с тобой сейчас. И то, что ты выцепляешь из него. Если верить космонавтам: это голубой шар, на котором видны реки, озера, моря и океаны. Для астрологов – это пространство в звездах, для мистиков – Вселенная, которая на нас влияет. В это же самое время, за соседним столом сидит человек, у которого другая жизнь. Я страдаю, переживаю, чего-то добиваюсь, куда-то несусь, что-то получаю и что-то теряю. Я знаю что-то про людей, прочитал или увидел. Понимание того, что происходит вокруг, твои желания и стремления – это и есть мир.

Интересно вторгаться в жизнь: победить можно всегда, главное, понять, как. Я достаточно авантюрен и равнодушен к чужим проблемам. В детстве мне нравился герой Питер Пен. Этот парень в зеленой кепке со шпагой – герой без страхов, по-хорошему бесшабашен. При этом у него есть цель – он точно знает, чего он хочет. В те времена я зачитывался еще романом Луи Буссенара «Капитан Сорвиголова». Заканчивал и тут же начинал читать заново. Книга об отважном человеке, который совершал добрые деяния с добрыми помыслами, не боялся ввязываться в какие-то истории и всегда выходил победителем из трудных ситуаций. Честный, сильный, красивый – герой, который превращал жизнь в чудо. Конечно, как мальчишка, я представлял себя на его месте. Однажды я все-таки нашел в себе силы отложить эту книгу и перечитал сначала все домашнюю библиотеку, а потом отправился в школьную и районную.

С возрастом мы становимся сентиментальнее. Молодость связана с выбиванием опоры из-под себя. Чем старше мы становимся – тем больше нуждаемся в каких-то опорных точках.

Правила есть: это твоя культура и воспитание. Культура как сумма знаний, которые ты получил в семье, заложенные средой – это и есть твой внутренний ориентир. Папа никогда не сажал меня перед собой с нравоучительными беседами. За исключением тех случаев, когда его вызывали в школу из-за моих дисциплинарных проблем. Тогда отец гневно смотрел на меня и говорил: «Ты позоришь нашу семью». Ничего ужасного я не делал. Максимум, мог опоздать или разбить окно в школьном коридоре, написать что-то неприличное на доске. Делал я это не по злобе, а от избытка чувств. Мне казалось, что папа транслировал это, скорее, для педагогов, будто он на их стороне. Я всегда чувствовал его и мамину абсолютную любовь. Очень бережное внимание к моей жизни. Он никогда не учил меня: ударили по левой щеке – подставь правую. Все разговоры, которые происходили в семье, и формировали меня. Однажды мама подарила мне «Сборник мудрых мыслей» с надписью: «Игоречек, сын мой, добро пожаловать в большой мир!» Упиваясь этими фразами, вырванными из контекста повествования, и как бы несущими в себе сакральный смысл, я все равно чувствовал какой-то подвох. Чуть позже я понял, что вся эта мудрость очень относительна. Звучит слишком менторски и нравоучительно, отчего нечестна и недействительна. Жизнь пластична, к ней с топором или с высеченными на стене какими-то понятиями не подойти. Мы все знаем священные заповеди: не укради, не прелюбодействуй – все это безусловно работает, но нет постулатов. Это все очень тонко, как и с женщинами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.